

его братии.

Не успела Номерфида кончить, как вся компания стала смеяться, и больше всех смеялись те, кто знал сеньора де Седана и его жену.

– Выходит, что монахам, которые проповедуют, вовсе незачем добиваться, чтобы женщины поумнели, – сказал Иркан, – женская глупость им только на пользу.

– Францисканцы вовсе и не стараются, чтобы женщины поумнели, – сказала Парламента, – они только хотят, чтобы они считали себя умными, – ведь от женщин суетных и безумных им не видать больших подаяний; те же, которые посещают их монастыри, перебирают четки с изображением черепа и ниже всех надвигают чепцы, считают себя самыми умными и добродетельными, в то время как в действительности они-то и безумны. Ибо залог своего спасения они видят в том, что верят в святость этих нечестивцев, которые кажутся им чуть ли не полубогами.

– Но кто же откажется им верить, – возразила Эннасюита, – ведь прелаты наши назначают их, чтобы проповедовать нам Евангелие и отпускать грехи?

– Да прежде всего те, – ответила Парламента, – кто убедился в их лицемерии и кто знает разницу между учением бога и учением дьявола.

– Господи Иисусе! – воскликнула Эннасюита. – Неужели вы думаете, что эти люди осмелятся проповедовать что-нибудь дурное?

– Не только думаю, – сказала Парламента, – но я убеждена, что они не очень-то верят Евангелию. Я понимаю дурных, потому что они не очень-то верят Евангелию. Я понимаю дурных, потому что я знаю немало людей добрых, которые бесхитростно и с чистотой душевной проповедуют Священное писание и сами живут так, как должно, без непотребства, без тщеславия, без вожделения, в целомудрии, и праведность их – неподдельная и непритворная. Но этих далеко не так много, как первых, которых хоть отбавляй, а ведь по яблокам судят и о яблоне.

– Право же, – сказала Эннасюита, – я считала, что мы совершим смертный грех, если не будем считать истинным все, что они проповедуют с церковной кафедры, повторяя нам то, что содержится в Священном писании, и приводя слова отцов церкви, коим господь вложил их в уста.

– Что до меня, – сказала Парламента, – то я не могу, разумеется, не знать, что среди них встречаются очень Дурные; я, например, знаю, что один из них, доктор богословия, по имени Колиман, известный проповедник и один из главных людей в их ордене, пытался убедить своих братьев, что Евангелию следует верить не больше, чем «Запискам» Цезаря или другим писаниям людей ученых. И едва только я услышала, что он говорит, как я потеряла к нему доверие, ибо слова его расходятся со словами господя, которые суть настоящий пробный камень, помогающий отличить истину от лжи.

– Поверьте, что те, что в смирении непрестанно читают слово божье, никогда не будут соблазнены никаким хитросплетением и выдумкой, идущими от человека. Ибо тот, чей разум исполнен истины, не примет никакой лжи, – сказала Уазиль.

– Мне все же думается, – вмешался Симонто, – женщину простодушную обмануть легче, чем какую другую.

– Разумеется, – сказала Лонгарина, – если вы считаете, что простодушные – то же самое, что глупость.

– Уверяю вас, – повторил Симонто, – что женщину добрую, кроткую и простодушную обмануть легче, чем лукавую и хитрую.

– Мне кажется, – сказала Номерфида, – что вы знаете женщину, оказавшуюся чересчур доброй, и поэтому я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали о ней.

– Что же, раз вы угадали мое намерение, – сказал Симонто, – я готов рассказать вам эту историю, но только сначала обещайте мне, что не будете плакать. Тем мужчинам, которые утверждают, что женское коварство страшнее мужского, полезно будет поразмыслить над этим примером, ибо я собираюсь рассказать вам не только о великом коварстве мужа, но о простодушии и доброте жены.

Новелла сорок пятая

По просьбе жены обойщик наказал свою служанку, которая ему приглянулась, и сделал это так, что она получила от него то, на что, кроме жены, ни одна женщина